

Коллектив авторов

**Маяк современного просвещения и
образованности**

Часть 9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Маяк современного просвещения и образованности: Часть 9 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 196 с.

ISBN 978-5-517-93310-2

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840-1845, ежемесячно. Издатели - В.И. Поляков, с середины 1840 г. - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю.А. Юнгмейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С.А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93310-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪЕЗДЪ

ВЫСОКОНАРЪЧЕННОЙ НЕВЪСТЫ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА,

ЕЯ КОРОЛЕВСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ПРИНЦЕССЫ

МАРИИ ГЕССЕНЪ-ДАРМШТАДТСКОЙ.

I.

Что солнце такъ привѣтливо сіять?
Куда спѣшитъ градъ славнаго Петра?
Зачѣмъ такъ дружно воздухъ потря-
саетъ

Родное, богатырское ура?
Куда, заботы жизни успокоивъ,
Бѣжитъ народъ?—въ жилищахъ тишина—
И для кого въ ряду могучихъ строевъ
Святѣя развернулись знамена?
Кого встрѣчаетъ нашихъ колоколенъ
Торжественный, родимый, Русскій звонъ?
Куда народъ нашъ, веселъ и доволенъ,
Стекается толпой со всѣхъ сторонъ?
Кому привѣтъ хвалою громовою
Реветь побѣдныхъ пушекъ гордый строй?
Кого встрѣчать съ хоругвией святою,
Съ крестомъ Святителя двинулся съдой?

II.

Разлились народа волны
Передъ площадью дворца,
И любовью чистой полны
Русскихъ вѣрныхъ сердца.

Часть IX. Гл. II.

Мысль одна у всей громады,
Счастьемъ всѣ вокругъ горятъ,
Ихъ движенія, крики, взгляды
Ясно сердцу говорятъ.
Вся толпа въ волненьи новомъ
Жизнью вновь оживлена—
И могучимъ Русскимъ словомъ
Звучно даль потрясена!
Пробужденъ народа рвеньемъ
Мѣдный всадникъ, славы сынъ—
И Исакій въ изумленьи
Смотритъ гордо на волненье.
Недорослій исполнилъ.
То Она! — Бе святая
Наша послала благодать—
Наша Русская, родная,
Наша будущая мать!
Близъ Нее—прекрасный, стройный,
Счастьемъ, радостью горя,
Величавый и спокойный—
Сынъ могучаго Царя!
Близъ четы — мѣста родныя...
Градъ Великаго Петра,
И вокругъ нихъ сплелась Россія

Въ нераздѣльное ура!
Солнце яркое сіяетъ
На зенитъ голубомъ,
И съ колонны осянута
Ангель Игъ святымъ крестомъ.

III.

Ты наша! съ нами ты! въ стѣнахъ ты
Петрограда;
И знали мы тебя, не видя, но любя!
Ты съ нами! и душа и сердце наше рады,
Вѣдь долго ждали мы тебя!

Высокій жребій далъ тебѣ Творецъ на
долю!
И сердце намъ тверди: тѣ долгъ свой
совершишь,
Покинувъ отчий домъ, дѣвическую волю—
Ты всамъ намъ счастье даришь!

Но посвятивъ всю жизнь Вѣбскому Суп-
ругу;
Не забывай: ему должна ты подарить
Помощницу трудовъ, заботъ, его под-
ругу,
И бремя власти облегчить.

Ты съ славнымъ званіемъ должна душой
сродниться,
Царицы свѣтлый Санъ ты будешь зани-
мать —
А имя матери отъ имени Царицы
Мамъ не умѣемъ отличать:

Для насъ они равны! въ заботахъ груст-
ной жизни,
Къ нимъ прибѣгаемъ мы отъ полноты
сердецъ,
И ты найдешь въ рядъ хранительницъ
отчизны
Себя прекраснѣй образецъ!

Изъ теплыхъ, чуждыхъ странъ къ себѣ,
пересадили
Подъ небо Русское прекрасный мы цвѣ-
токъ —
И что всѣ тотъ цвѣтокъ роскошнѣй по-
любимъ
Наше сердце отдаемъ въ залогъ!

Согреемъ мы его любовью чистой нашей,
Сердцами нашими отъ бурь мы оградимъ;
Распустится тогда вышше онъ и краше
Творцомъ дѣломъ и хранимъ.

Онъ вырастетъ—подъ тѣнь укроетъ онъ
полсѣта —
Россию, хоть она какъ небо широка —
И прогнать тогда пѣснь скромнаго
поэта

Хвалу прекраснаго цвѣтка!

Расте же между насъ-надежда дней пре-
красныхъ!
Цвѣти народнаго спокойствія залогъ!
Къ тебѣ склоняютъ взоръ высокій, свѣт-
лый, ясный
И Русский Царь и Русский Богъ!...

В. ЗОТОВЪ.

Царское село
Лицей.

~~Сказочка~~

ПЯТЬ ВѢКОВЪ,

Сказочка для дѣтей XIX столѣтія.

Хотите ль, дѣтки милые, послушать ста-
рика?

Я расскажу вамъ сказочку про дивные
вѣка.

Быль была: его у насъ, шутя, всѣ золо-
тымъ прозвали

Не оттого ль, что въ немъ цѣны мы золо-
ту не знали?

Въ немъ жили братски межъ собой
Лисицы и цыплята,

Паслися дружною семьей

И тигры и лгята;

Плясалъ подъ ладъ свирѣлочекъ съ медвѣ-
демъ пастушокъ,

Дворовою собакою ходилъ за стадомъ
волкъ;

Царемъ былъ на землѣ Сатурнъ, супругъ
счастливой Реи

И миренъ былъ вѣкъ басенокъ, и сказокъ,
и Астрей.

Но есть своя пора на все: настала чередъ
другой

И вѣкъ взошелъ серебринный надъ матерью
землей,

И плавить начали металлъ, и поумнѣли
люди,

И тѣсно стало дѣтускамъ у материнской
груди:

Тутъ всякъ пошелъ особнячкомъ:

Здѣсь кура, тамъ соловка;

И зажилъ человѣкъ домкомъ,

И добился коровка;

Косились другъ на друга лишь звѣрь да
человѣкъ;
Но было тихо на землѣ въ серебряный
тотъ вѣкъ.
Не долго длились эти дни — обратникъ
блудный ралъ
И наступилъ чередъ другой, пришла пора
иная.

Вѣкъ мѣдный: вдругъ изъ шалашей скле-
лось село!
И пастырь сталъ стрѣльцомъ: — узнавъ
что холоду, что тепло;
И кто былъ посылнѣй другихъ, того
признали волю,
Его десницѣ поручилъ и жизнь толпы и
долю,

И мѣхомъ рамена людей
Прикрывалъ своимъ волчѣнокъ
И впоеномъ для стола царей
Незлюбимый теленокъ;
И стали стричь волну съ овечь и нулъ
щипать съ гусей,
Травили птицу птицею, собаками звѣрей,
Ловили рыбъ сѣтями, для всѣхъ закрывъ
свои объѣты;
Но люди продолжали жить между собой
какъ братья.

И вотъ—вѣкъ новый наступилъ: возсталъ
на брата братъ
Железный стѣхъ, чугунный вѣкъ! — отто-
ченный булатъ
Разить не звѣря, не скота — слабѣйшаго
сосѣда:

Изъ блюда лишняго на столъ для зван-
наго обѣда,

Изъ лишней нитки жемчугу
Любезной въ ожерелье!

Тамъ пыльный — ближнихъ гнѣтъ въ
дугу

Отъ скуки — на похмѣльѣ.

И чаша бѣдъ полна; за край невинныхъ
плещетъ кровь,

И для людей чертитъ законъ небесная
любовь;

Исторгла правда мечъ на зло, караетъ
силу силой,

И ужасы мозаик тамъ рыщутъ надъ мо-
гилой.

А вотъ мамъ стѣхъ — царь вымысловъ стѣхъ
прозы и пароды:

Теорій новыхъ тѣма, какъ дымъ клубится
изъ головъ,

Для блага будто бы людей система за
системой
Вьичають этотъ вѣкъ чудесъ мистической
диадемой;

Летитъ по рельсамъ паровозъ

Народомъ населенный,

И тянетъ за собой обозъ

Съ добычами вселенной:

И шумъ и громъ, и свистъ и вой, подъ
нимъ дрожитъ земля;

Отъ взоровъ сѣдоковъ бѣгутъ и горы и
поля;

Стихи всѣ, въ нашъ дивный вѣкъ суть
слуги человѣка

Въ добръ и злѣ его слились четыре преж-
нихъ вѣка . . .

КОЛОМЕНСКОЙ СТАРОШИНѢ.

~~— — — — —~~

ДЕМОНЪ

(КУПЛЕТЫ ИЗЪ ВОДЕВИЛА)

Вѣрю я, что въ день рожденья

Попущеніемъ Творца

Демонъ зла, и искушенья

Поселится въ сердца;

Демонъ злѣй и коварный,

Гордъ, пороченъ и нечистъ,

Демонъ злой, неблагодарный;

Демонъ — гнусный эгоистъ:

Онъ чаруетъ, онъ морочитъ,

Счастье кажетъ намъ онъ всѣмъ,

И трунить, острить, хохочетъ

Надо всѣми, надо всѣмъ.

То лживительно онъ плачетъ

Самъ надъ низостью своей,

То тормошитъ и дурачитъ

Самолюбіе людей;

Манитъ всѣхъ воображеньемъ

И надеждою пустою;

Льститъ преступнику прощеньемъ,

Мужу вѣрною женой,

Льститъ мошеннику поживой,

Тѣшитъ тѣжбою судей;

Льститъ вдовѣ нетерпѣливой

Идеаломъ изъ мужей,

Докторамъ льститъ грознымъ морозъ

Иль повальной чумой;

Цѣлый свѣтъ летѣтъ соронъ,

Но — изъ грязи золотой;

Тѣшитъ выдумками чванство,

И позовъ тощихъ строй,

И голодное дворянство

Кормитъ въ мысляхъ на убой;

Дразнить почестями сана,
Звонкимъ золотомъ манить,
То—для гордаго болвана
Онъ пилюли золотить;
Кормить гордость, раздуваетъ
Пепель сердца и страстей,
Забавляется, играетъ
Глушой жадностью людей;
Льститъ лисицей, воетъ волкомъ,
Поднимаетъ старый бредъ,
И толкаетъ тихомолкомъ
На дурачество весь свѣтъ;
Раздуваетъ вздоромъ ссору,
Въ уши глупостью трещить,
Сыплетъ въ свѣтъ кучи сору;
Для танцоровъ полъ лошчить;
Шьетъ бездонные карманы
Для подъячихъ и купцовъ,
Растравляетъ нищихъ раны,
Лѣпитъ грязью дураковъ;
То—подъ музыку богатыхъ
Заставляетъ онъ плясать
Низость грязную въ заплатахъ,
Подлость спину выгибать;
На ходули поднимаетъ
Гордыхъ знатностью своею,
И магнитомъ натираетъ
Руки стряпчихъ и судей;
Третъ красавицъ бѣлила,
Подчищаетъ вновь законъ,
И писателямъ въ чернила
Подсыпаетъ маку онъ;
Свѣтъ пугаетъ вздорной вѣстью,
Холитъ голову безчестью;
Шьетъ кафтанъ для дурака,
Лѣпитъ маску для разврата,
Тормошитъ нахальство хвата,
Спѣсь щекотитъ подъ бока,
Слѣдъ нечистый замечаетъ,
Рядитъ въ золото пороки,
И тихонько отираетъ
Съ рыльца грязнаго пушокъ;
На повѣтрѣи безлюдья
Ставитъ шута мудрецомъ
И поязку правосудья
Поднимаетъ вверхъ тайкомъ.
Демонъ рѣзвый, демонъ бойкій
Набиваетъ правды ротъ
И веселую попойку
Пьяной истинѣ даетъ.
Словомъ—цѣлымъ свѣтомъ вволю
Демонъ властвуетъ шутя
Подслащая людямъ долю
И обманы золотя:
Вертитъ свѣтомъ какъ захочетъ,
И владѣетъ имъ совоицъ,

И трунить, острить, хохочетъ
Надо всѣми, надо всѣмъ!
Злобный демонъ, безъ сомнѣнья —
Поселится въ сердца,
Въ самый день людей рожденья —
Попущеніемъ Творца!!

В. ЗОТОВЪ.

ВЗДОХЪ

(Подражаніе Жанъ-Ребукко)

Et rien n'est vrai que le ciel!

—

Все коварство въ здѣшнемъ мірѣ;
Все въ обманъ облечено:
Вздохъ любви, аккорды лиры,
Чаша счастья, блескъ пореиры;
Небо—истинно одно!

Солнца часто потухаютъ,
Помрачаетъ правду аю,
Все для гроба разцвѣтаетъ,
Слава, радость, блескъ мѣняютъ —
Только небо лишь свѣтло!

Такъ плыву на бурномъ морѣ.
Знать погибнуть суждено:
Съ бурей, съ вѣтромъ, съ бездной въ
спорѣ

Гибнетъ онъ въ тоскѣ и горѣ —
Небо—ясно лишь одно!

В. ЗОТОВЪ.

ДО ПАРХИМА

(ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІО)

Пархіме! въ счастья не брыкай!
Въ нуждѣ притѣмомъ не лѣзь до неба,
Людей пытай!.. свѣй разумъ май
Якъ не мудруй, а вмерты треба.

Чи коротаетъ мікъ въ журбѣ,
Чи то за поставцемъ горѣлки
Въ шинку, наризуютъ тобѣ
Цымбалы, кобзы и сошѣлки;

Чи пьяный нидъ тыномъ хронешъ,
Чи до господы лѣзешъ рачки,
Чи жинку макоганомъ бьешъ
Чи самъ товчешъ на акулацѣ!

Оуи и засеняи лани,
Косы широки перелогы,
И грошники за балтаны луны,
Та все жь одкинешь ноги.

Понивешь все: стижки—и—скирты,
Всѣ ласощи: паслѣнь, цыбулю;
Загарба нившій все,—а ты
Зьдси, за гурьку працю, дулю.

Чи сѣцькимъ батько твѣй въ селѣ,
Чи самъ на панцинѣ працюе,
А смерть зрѣвше всѣхъ въ землѣ;
Ни зъ кѣмъ снажена не жартуе.

«Чи чить? «чи лишка? — загука:
Ты крикнешь, «чить!»,... «Та брешешь
сыну!»

Озветца падлюка, съ кутка,
Та—й—зцупить зъ печи въ домовину!

АРТЕМОВСКІЙ ГУЛАКЪ.

ДО ПАРХИМА

Пархиме! не мудруй, ворожки не пытай,
Якъ довгій вѣкъ прокоротаешь!
Що выковала вже возудя,—поживай;
А быльше.... шкода, що —й бажаешь.

Хочь всѣхъ ты ушырѣвъ збери и знахо-
рѣвъ
Хочь покумайся ты зъ вѣдьмами:
Ни хто не скаже намъ, такъ, якъ бы ты
хотѣвъ
Що доля завтра зрѣбитъ зъ нами!..

Чи доведетца нѣе шодушше занматитъ
Чи до снаги вже росплатитъся
На що? при що? надъ симъ чупрыну
грѣтъ?

Дурный, дурный! а въ школѣ вчився!

Терпѣе—за долею, куды похине, ханнеъ,
Якъ хилатца одъ вѣтру гилка:
Чи будемъ жить? чи вмерѣмъ? Пархиме,
не журись,
Журись объ тимъ, чи о горѣлка!

А е? такъ при на стилы частуй; та-й
самъ кругляй.
Чи намъ, Пархиме, треба скѣлки?

Та вже жь, чи вкоротать свѣй вѣкъ.—то
вкоротай
Въ шинку, надъ бочкою горѣлки.

Отъ мы базюкаемъ—а часъ, мовъ вилъ съ
горы

Чухра: його не налыгаешь!
Отъ скѣлки бѣ выпили до сѣи мы поры,
Такъ ты буцимъ не дочуваешь.

Ну жь! цуль останню ты гривняку зъ
кашпука,

Поки стара пере гончирки,
Бо вже якъ вернетца, то думка бачъ така,
Що вмерѣмъ обыдва безъ горѣлки.

АРТЕМОВСКІЙ ГУЛАКЪ.

1827 года
7-го ноябля.

СТАРЕЦЬ.

Не свѣтелъ мѣръ его очамъ,
Въ немъ кровь остыла къ наслажденью,
И къ дѣвы пламеннымъ устамъ,
И къ груди трепетной волненью.
Въ немъ взоръ желаньемъ не горитъ,
Его мечта оледѣла,
И равнодушиемъ—онъ глядитъ
На роскошь бархатнаго тѣла.
Порою память прежнихъ лѣтъ,
Во взоръ прольетъ печальный свѣтъ,
И гаснетъ вдругъ, какъ лучъ денницы,
Скользнувший робко въ мракъ темницы.
Всю удѣлъ: терпѣть, терпѣть...
Но здѣсь за долгое терпѣнье,
Онъ видитъ въ небѣ награжденье,
Онъ жаждетъ на небо смотрѣть!....

Н. ГОРДѢВЪ.

1840 г. С. Петербургъ.

СЕМЕЙНЫЙ ШТИЛЬ И ШТОРМЪ.

Какъ солнце ясное горитъ подъ небесами,
И тихій вѣтерокъ играетъ парусами,
Корабль несетъ ихъ всѣ, какія можетъ
нести,

Какія только есть:
Отъ грота страшнаго до трюмселей чуть
видныхъ
— Бываютъ у морскихъ часа два-три,
завидныхъ.
Но море сердится, вѣтръ дуетъ посылъ-
ный —
Долой все поскорѣй:
Все съ верху уберуть до самыхъ мар-
селей.
А вѣтру на морѣ раздолье — дѣтъ тарифа;
Черезъ полъ часа корабль, качается — въ
три рифа;
А засвѣжѣй еще, пожалуй онъ готовъ
Идти со всѣмъ безъ парусовъ....
Но только что начнетъ вѣтръ тише ста-
новиться,
Корабль нашъ снова оперится,
Весь парусами опушится:
И буря лишь пройдетъ
Онъ гордымъ лебедемъ по морю попы-
ветъ.

Я былъ сего дня у сосѣда.
Такъ, въ гости завернулъ, не то чтобы
для обѣда.
Хозяйка дома — по просту, жена —
Такъ ласкова была, такъ мило при-
няла,
Что въ чуже сердце радо;
Вотъ женъ такихъ искать и днемъ со
свѣчкой надо.
Тиха, какъ море въ штиль; любовью
вся волна;
Такъ къ мужу ластится, какъ къ
кораблю волна.
Въ сознаньи счастья, хованъ, мой со-
сѣдъ,
Доволенъ самъ собой — ну, трюмсеи не-
сетъ!
Но подлѣ радости, вѣдь слѣдомъ хо-
дитъ горе!

Штиль мало царствовалъ въ самое
нормъ морѣ.
Не знаю отъ чего скапризилась жена:
И въ домъ подилась, какъ буря, куте-
рма.
Она — какъ вѣтръ свѣжѣть, и храбрый
мужъ скорый
Спускаетъ ниже тонъ — до самыхъ мар-
селей;
Капризамъ женщины, какъ вѣтру — нѣтъ
тарифа,
И смѣтливый супругъ — зарифился въ
три рифа. *)
Поднялся страшный инкаль: съ ея по-
слѣднихъ словъ
Несчастный мой сосѣдъ молчитъ — безъ
парусовъ.
Но буря пронеслась, притихла
злость, и снова
Супруга нѣжничать готова;
А счастливый супругъ —
До трюмселей подилась вдругъ!

Сосѣдъ! — подумалъ я смотря на эти штуки,
Ты не сумѣлъ прибрать жену сначала въ
руки,
Такъ ужъ за то она
Прибрала молодца, теперь къ рукамъ
сама.
А тутъ хоть умный будь, хоть запростѣ
дуракъ
Начнешь лавировать, какъ опытный мо-
рякъ;
Частенько доподомъ и съ горемъ.
Да иначе нельзя съ такимъ бурдынымъ
моремъ.

ЕВГЕНІЙ ЗАНЕВСКІЙ.

*) Просили гг. моряковъ слово «зари-
фиться» понимать довуларно, а не въ
своемъ переносномъ значеніи. Редакт.

П Р О З А.

РУПЕРТЬ ЛИНДСЕЙ.

Есть въ насъ чувство, которое съ нами рождается, съ нами неразлучно во всю жизнь вмѣшивается во все: и въ минутныя связи и въ привязанность къ родителямъ; господствуетъ въ дружбѣ и въ любви: это чувство — потребность быть любиму; а корень этой потребности, — самолюбіе; тутъ оно беретъ свое начало, пищу и силу, и растетъ даже до несправедливыхъ требованій.

Мы хотимъ чтобъ насъ любили дальнѣе границъ обыкновенныхъ, любили пламенно, безкорыстно, съ идеальнымъ самоотверженіемъ. Видимъ ли расположеніе къ себѣ? — о, этого намъ мало: «мы стоимъ большаго» — и жалобамъ нѣтъ конца! Такъ время мечтаній проходитъ, ничего не осуществивши; а какъ мы требуемъ больше чѣмъ наша бѣдная природа можетъ дать; то благополучіе, которое могли бы пайти въ чистѣйшихъ привязанностяхъ, погибаетъ въ горькомъ опытѣ, что любовь, которой ищемъ, не существуетъ на нашей жалкой планетѣ.

Взаимно неправые, мы упрекаемъ въ этомъ недостатокъ тѣхъ, которыхъ любимъ, ни мало не сознавая что и мы такіе же. Хотимъ чтобъ насъ любили больше нежели сами можемъ любить: по этой непреодолимой потребности,

ни чѣмъ несытой, сперва мы любимъ сами, потомъ платимъ неблагодарностью тому кто любитъ насъ, и въ свою очередь видимъ, что любимые нами и зная не хотятъ самой искренней нашей привязанности. Такъ-то чувство, которое должно бы упрочивать наше счастье, сплошъ становится ужаснымъ мученіемъ.

Человѣкъ, котораго плачевную исторію намѣренъ я писать, довелъ эту потребность — быть любимымъ, страстно, пламенно, — до неукротимаго, изступленнаго чувства, до судорожной и упорной горячки, которая вовлекла его во всѣ безпорядки и ввергла въ бездну пороковъ; исказила его душу, прекрасную отъ природы; смяла его въ грязь постыдной порчи, разстроила здоровье, развратила правила и сердце, и вырыла кровавую могилу въ половинѣ бѣдственной жизни.

Рупертъ Линдсей — сирота знатной и богатой фамиліи, не красавецъ, но очень умный, большой охотникъ правиться; разборчивый вкусъ, любезность въ приемахъ и обращеніи, прекрасный тонъ, все это съ избыткомъ выкупало въ немъ недостатки красоты. Еще въ томъ возрастѣ когда молодые люди отличаются только мотовствомъ, лошадами

и картежною игрою, Рупертъ уже считался основательнымъ, заслуженнымъ человѣкомъ, засѣдалъ въ парламентѣ и становился предметомъ общей зависти; на него обращались вниманія и взгляды, — одинъ только недовольный Рупертъ не находилъ въ себѣ счастья и покоя: — страдалецъ!

Его мучить непреодолимая жажда любви, преслѣдуетъ безпрестанно даже среди торжества его; всѣ успѣхи для него — дымъ: — хлопочетъ желаніями огненное сердце!

Напрасно день ото дня слава его растетъ выше и выше, напрасно занимаетъ онъ одну изъ первыхъ ступеней свѣта: — Рупертъ все таки несчастливъ. Переходя отъ одной страсти къ новой, онъ горько жалуется, что не можетъ найти любви. Ему хочется чтобъ его любили для него; а эта, любить его за то что онъ человѣкъ въ тонѣ, та, потому что онъ пріобрѣлъ журнальную извѣстность; третья, за чинъ, за богатство, иныя, для того чтобы любовью къ нему возбудить ревность въ другихъ. Отъ этихъ убійственныхъ открытій все опротивѣло ему, душа мало по малу пресытилась; онъ вѣруетъ только въ себялюбіе, жизнь не представляетъ ему ни чего достойнаго его привязанности, — и вотъ ужъ онъ несчастливѣйшій изъ людей!

Печальный опытъ Руперта надъ сердцемъ человѣческимъ сдѣлалъ было его мизантропомъ; но мало по малу онъ превозмогъ эту болѣзнь; страсти свои привелъ въ систему и методически ожесточился противъ бѣдствій общества. Ненависть къ людскимъ порокамъ дала мѣсто презрѣнію къ слабостямъ человечества; онъ понималъ привязанности другихъ, понималъ искусство управлять ими, и скоро въ уплату за то, что его обманывали, сталъ самъ обманщикомъ въ свою очередь.

Впрочемъ обломки природнаго добра еще уцѣлѣли въ немъ: не смотря на порчу правилъ, онъ тотчасъ могъ распознавать искреннюю любовь; не разъ

проглядывали въ этомъ человѣкѣ равнодушномъ ко всему, въ этомъ эгоистѣ, котораго изсохшее сердце потеряло и чувство и правоту — иногда проглядывали въ немъ и чистыя, невинныя ощущенія; особливо когда система, построенная въ часы холоднаго расчета, на соизмахъ ума а не на самопознаніи, не на опытности сердечной, — выходила изъ памяти. Такъ дожилъ онъ до тридцати лѣтъ, и ему, какъ большей части людей съ дарованіями, надоели всѣ эти дымчатая забавы свѣтскія: онъ сталъ удалиться, жить уединеннѣе, покинулъ шумныя общества и все честолюбіе свое ограничилъ желаніемъ нравиться женщинамъ. Наконецъ пришло и его время испытать власть истинной и глубокой страсти, въ которой любовь затмила расхожія связи, занимашія его до сихъ поръ.

Въ маленькой деревнѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона жило семейство анабаптиста Варнера. Отецъ, по пажоности своей прозванный Абеназаромъ Ееранномъ, былъ купецъ и по ханженству своему слылъ между единовѣрцами за святаго. Напротивъ, Джемсъ, сынъ его, страшный игрокъ, пользовался всеми достоинствами негодя безъ чести и правилъ. Но Марія, молодая дѣвушка, чистая и невинная, ни сколько не походила на брата своего. Равно добра и прекрасна, больше скромна и любезна чѣмъ рѣзва, стѣсненная нѣкоторымъ образомъ печальною и суровою однообразностью домашнихъ нравовъ семьи своей, она не знала другихъ удовольствій, кромѣ благодарній и великодушныхъ дѣлъ своихъ. Даже понятіе о злѣ было чуждо ей; при своей чистотѣ и непорочности, прелестная Марія и не подозрѣвала, чтобы люди могли чувствовать иначе.

Въ той же деревнѣ жила молодая Ирландка, жена о-ицера, который по должности всегда находился въ отлучкѣ, и съ которою Рупертъ былъ въ связи, не оставляющей по себѣ ни со-

жизни, ни воспоминаний. Въ одно изъ частыхъ его посещеній къ ней, Рупертъ повстрѣчался съ дѣвицею Варнеръ.

Увидѣть ее, восхититься и полюбить это ангельское существо было для Руперта минутнымъ дѣломъ. Судьба улыбнулась его надеждамъ. Однажды войдя въ хижину бѣднаго крестьянина, — которому онъ постоянно помогать столько же отъ скуки какъ и по человечеству, — засталъ тамъ дѣвицу Варнеръ; и ее привела туда таже причина. Онъ воспользовался случаемъ: заговорилъ съ ней, проводилъ при ея уходѣ, и въ этомъ минутномъ разговорѣ истощилъ всю свою опытность: увлекъ молодую дѣвушку, въ простотѣ которой нашелъ легкую добычу. Къ несчастію, въ семьѣ Маріи, нѣкому было ей помочь, нѣкому посоветовать, позаботиться о поступкахъ ея неопытности, предостеречь отъ обольщеній. Отецъ, то занявъ торговлею, то погруженъ въ химерныя свои созерцанія, — не умѣлъ привязать ее къ себѣ; огрубѣлость и безпутство брата не стоили ея довѣренности. Мать умерла; — кому ей открыть свое сердце, мысли и попросить добраго совета?

Бѣдная сирота, предоставленная собственнымъ, неопытнымъ силамъ, взрослая въ одиночествѣ и простотѣ нравовъ, — могла ли не запутаться въ сѣтяхъ прикрытыхъ цвѣтами?

Любовь — стихія кроткой, горючей Маріи. Это настроеніе таившееся, сжатое въ сердцѣ ея, разлилось тѣмъ внезапнѣе и быстрѣе, что съ самой юности огненную душу ея окружала одна холодность: мудрено ли, что Линдсей опытною любезностью, умѣньемъ, очаровалъ такую молодую и простодушную дѣвушку? Марія въ первый разъ еще узнала любовь и это сердце, слѣшкомъ невинное, не понимавшее зла, выполнѣ ей предалось. Марія привыкла его видѣть, только и желала видѣть его, быть съ нимъ; языкъ Линдсея такъ былъ ей новъ, такъ восхищалъ ее, такою

сладкою гармоніей нѣжилъ слухъ, — могла ли она вѣрнѣе этому вкрадчивому голосу, этимъ выраженіямъ, и увлекательнымъ и вмѣстѣ почтительнымъ, которыми такъ хорошо владѣлъ Линдсей? — И не могла и не хотѣла. Впрочемъ она не знала искусства держать себя, которое такъ мастерски разыгрываютъ свѣтскія дѣвушки: чуждая этой личины, прикрывающей ихъ слабости, она свободно отдалась естественному влеченію сердца. Безъ боязни, безъ раскаянія, открыла наконецъ Руперту всю любовь свою къ нему.

Вотъ Линдсея любить, любить какъ онъ желалъ: онъ это знаетъ; эта увѣренность разливая въ душѣ его блаженство, пробудила въ ней уснувшія, по еще не потерянные достоинства. — Это магнитическое прикосновеніе невинности нѣкоторымъ образомъ и его очистило, возродивъ въ немъ добродѣтели первой юности, и, прибавимъ еще въ похвалу ему, онъ вовсе не думалъ обольщать эту дѣвушку, которую сперва также хотѣлъ было причислить къ прежнимъ жертвамъ; онъ полюбилъ ее всей душою. — «Ни за что въ свѣтѣ не обману тебя, Марія, повторялъ онъ самъ съ собою; ты счастлива и невинна — оставайся же при своемъ счастьи и невинности; единственное существо въ мірѣ, полюбившее меня истинно, не сдѣлаю моею жертвою! — Нѣтъ! Марія, ты ввѣрилась мнѣ, не употреблю же и я во зло твою довѣрчивость, — не научу преступленіямъ и бѣдствіямъ.»

Вскорѣ дѣла не терпѣвшія отлагательства отозвали Линдсея: надлежало вѣхать. Съ какимъ наслажденіемъ онъ восхищался страхами, гореваніемъ этой невинной страсти! съ какимъ упоеніемъ отиралъ слезы которыхъ и не скрывали отъ него! горестъ Маріи такъ искренна! ея прощаніе такъ нѣжно! какъ радостно онъ обнялъ ее! Марія поцѣловала его, и онъ съ восторгомъ принялъ этотъ неизъяснимый, чистый поцѣлуй разлуки. Ахъ, за чѣмъ Линдсей,

вмѣсто пороковъ и безпутствъ не встрѣтитъ такого ангела при своемъ вступленіи въ свѣтъ? — Сколько бы добра онъ сдѣлалъ!

Каждый день по отъѣздѣ Руперта, Марія сама ходила на почту осведомляться о письмахъ; и счастливица, каждый разъ возвращалась, принося съ собою эту драгоценность, тайну своего сердца, радость жизни; тогда она запиралась въ свою комнату, глотала письмо Руперта, перечитывала двадцать разъ, и все съ новой жадной прочесть еще разъ; потомъ съ нетерпѣніемъ ждала завтрашняго дня. — Какъ-то разъ прошелъ день безъ этого утѣшенія, то былъ понедѣльникъ (въ Англіи нѣтъ почты въ праздничные дни): этотъ день сталъ для нее днемъ скуки и одиночества, днемъ унынія и печали.

Такъ Марія медленно, по каплѣ, вмѣстѣ съ любовью пила ея отраву, оставаясь по цѣлымъ часамъ въ изступленномъ молчаніи, устремивъ глаза неподвижно на эти драгоценныя ей письма, выучивая слово по слову, строку за строкой, принимаясь съ изнова читать, быть можетъ въ десятый разъ немногія книги, оставленныя Рупертомъ при отъѣздѣ его; или прогуливаясь по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ видалась съ нимъ.

Рупертъ на твердой землѣ жилъ со всею роскошью герцога, состояніе его поразстроилось, и надобно было, для поправленія потери отъ излишнихъ издержекъ, самому заняться увеличеніемъ доходовъ съ своихъ земель, особливо когда онъ собственнымъ опытомъ узналъ сколько должно довѣряться управителю или арендатору; — по этому у него не было свободной минуты; и какъ онъ заперъ свой паркъ, запретилъ всякой проѣздъ черезъ свои земли, принудилъ охотниковъ щадить своихъ фазановъ и дикихъ козъ, и учредилъ строгій надзоръ и бережливость въ замкѣ, то его собственные люди за одно съ сосѣдними помѣщиками, брали его безъ пощады.

Такая дѣятельная жизнь надоела Руперту; вообще чувство отвращенія и непривычка быть домохозяиномъ мало по малу разстроили его здоровье. — Однажды, когда онъ надсматривалъ за рубкой лѣса, жестокой туманъ проникъ его до костей, онъ пріѣхалъ въ замокъ измученный, мокрый, пренебрегъ перемѣнить сырое платье, и получилъ ужасную, изнурительную лихорадку; нѣсколько дней жизнь его была въ опасности, и только черезъ три недѣли непрерывныхъ попеченій искуснаго доктора, онъ избѣжалъ смерти.

«Принеси мнѣ всѣ письма полученные на имя мое во время болѣзни,» сказалъ онъ слугѣ, лишь только былъ въ силахъ говорить.

Привесли кучу писемъ съ красными и черными и гербовыми печатами. Тамъ были письма отъ судей о дѣлахъ графства, объявленія поставщиковъ, посланія отъ дворянскихъ братьевъ, предававшихъ себя его воспоминанію, и между ими попалось одно, отъ жены Ирландскаго офицера, о которой мы уже говорили.

Это письмо привлекло его вниманіе; Ирландка, въ угожденіе Руперту выдавала себя вдовою; это пересказали мужу, мужъ взбѣсился. Къ несчастію онъ очень любилъ свою жену, честь супружества не считалъ игрушкой, не имѣлъ силы духа стать выше своего несчастія, и думалъ по совѣсти, что такое оскорбленіе должно омыть кровью. — Два раза, другъ капитана, вѣрный Ахатъ, которому онъ препоручилъ жену свою, приходилъ въ замокъ Линдсел осведомляться о здоровьи Руперта, и получивъ непріятныя извѣстія, возвращался очень недовольный.

Оскорбленный Ирландецъ дотога жаждалъ мести, что сдѣлался какъ помѣшанный: иногда ходилъ одинъ и плакалъ неутѣшно, или произносилъ ужасныя угрозы виновнику своего несчастія; бѣгалъ общества, цѣлые часы простаивалъ въ ошелбенннѣ подлѣ своего